Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(1). С. 38–59
DOI 10.24833/2071-8160-2022-1-82-38-59

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Бизнес или безопасность? Цели и механизмы реализации нефтяной политики Франции в 1920-е гг.

И.Э. Магадеев

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Цель статьи – выявить сочетание экономических и стратегических факторов, влиявших на политику французских властей и бизнеса по обеспечению доступа к нефти в 1920-е гг. Автор демонстрирует сложный характер нефтяной политики Парижа, разнообразие обстоятельств, определявших действия властей Третьей республики. Построенное на анализе французского кейса, данное исследование призвано высветить новые грани и особенности влияния «нефтяного фактора» на международные отношения и внешнюю политику держав; показать исследовательскую ценность совместного изучения тех вопросов, которые нередко оказываются разведены по различным направлениям международных исследований (стратегические исследования, международная политэкономия, дипломатическая история и т. д.). Источниковой базой исследования выступили архивные и опубликованные документы, позволившие вписать нефтяную политику Франции в общий контекст её внешнеполитического и стратегического курса в первое десятилетие после окончания Первой мировой войны. Материалы британских и российских архивов дали возможность осветить ряд важных аспектов англо-французского и советско-французского взаимодействия в «нефтяном вопросе». Подчеркнув стратегическое значение нефти, выявленное Первой мировой войной, а также зависимость Третьей республики от ведущих англо-американских нефтяных трестов («Стандард Ойл» и «Ройял Датч-Шелл»), автор выделил три ключевые цели нефтяной политики Парижа в 1920-е гг.: 1) диверсификация импортных потоков; 2) приобретение контроля либо прямого доступа к источникам нефти; 3) консолидация французских бизнес-интересов в сфере нефтяной политики при посредничестве государства. Действия на этих направлениях нередко были взаимосвязаны, отражая специфическую ситуацию силы и слабости Франции по итогам Первой мировой войны. Автор пришёл к выводу о том, что в рамках нефтяной политики Франции стратегические факторы и бизнес-интересы нельзя было отделить друг от друга. Осознание возросшей роли нефти для вооружённых сил и экономики Третьей Республики соседствовало с неготовностью к ярко выраженной этатистской линии, к осуществлению попыток радикально изменить правила нефтяной политики внутри страны и во взаимодействии со «Стандард Ойл» и «Ройял Датч-Шелл».

УДК 327.8
Поступила в редакцию: 12.07.2021 г.
Принята к публикации: 20.11.2021 г.

Ключевые слова: Франция, нефтяная политика, 1920-е годы, энергетическая безопасность, Беранже, Пино, англо-американские тресты, лоббирование интересов

Размышления о роли «нефтяного фактора» в международных отношениях как в прошлом, так и в настоящем подразумевают учёт ряда его ключевых измерений, прежде всего, экономического и военно-политического. Немецкий политолог Ф. Бауманн считал, что сводить понятие «энергетической безопасности» к обеспечению надёжных поставок энергоресурсов по разумным ценам было бы упрощением: «исключительно экономический подход к пониманию безопасности энергопоставок через торговлю и ведение бизнеса недостаточен» (Baumann 2008: 4–5). Известный американский исследователь Д. Ергин расставлял акценты иначе, утверждая, что в начале XXI в. даже такие традиционно ориентировавшиеся на самодостаточность государства, как Китай и Индия начали рассматривать проблему энергетической безопасности как «способность быстро приспосабливаться к новой зависимости от мировых рынков» (Ергин 2006).

Наличие разных исследовательских точек зрения само по себе говорит о том, что экономическое и военно-политическое воздействия «нефтяного фактора» на международные отношения связаны друг с другом самым тесным образом. Идея о том, что доступ к нефти – один из важных элементов в обеспечении безопасности государства, распространена сегодня почти повсеместно. Многие истоки подобных концепций можно найти именно в периоде Первой мировой войны, а также осмысления её уроков в 1920-е гг.

Цель данной статьи – выявить сочетание экономических и стратегических факторов, влиявших на политику французского правительства и бизнеса по обеспечению доступа к нефти в 1920-е гг. Основой для достижения указанной цели выступили архивные и опубликованные документы, позволившие вписать нефтяную политику Франции в общий контекст её внешнеполитического и стратегического курса в первое десятилетие после окончания Первой мировой войны. Речь идёт о многотомной серии «Французские дипломатические документы»[1], материалах Дипломатического архива МИД Франции[2], архивов Исторической службы Министерства вооружённых сил Франции[3], Национального архива Франции[4].

Вопрос о нефтяной политике Франции в межвоенный период рассматривался в ряде отечественных (Борисов 1964; Валиахметова 2006; Валиахметова

[1] *Documents diplomatiques français* (DDF) 1920–1932. Vol. 1–11 (1920–1924). Paris; Bruxelles, 1997–2013.

[2] *Archives du Ministère des Affaires étrangères* (AMAE). Correspondence politique et commerciale. Série Z-Europe, 1918–1940. Vol. 352 (117 CPCOM 352); *AMAE.* URSS. Vol. 1001; *AMAE.* Papiers Millerand. Vol. 93 (118 PAAP 93).

[3] *Service historique de la défense* (SHD) / *Département de l'armée de terre* (DAT) 2N 238; 7N 3120.

[4] Archives *Nationales de la France* (AN), Papiers Painlevé, 313 Archives privées (AP) 238.

2009) и зарубежных работ (Nouschi 1976; Nouschi 2001; Beltran 2018; Ledenev 2020). Однако по степени изученности, детализации анализа и собственно количества исследований он явно оставался в тени нефтяной политики Великобритании и США в тот же период (Боронов 1977; Соболев 2007; Валиахметова 2010; Toprani 2019).

При этом даже авторы, исследовавшие нефтяную политику Франции, как правило, не раскрывали механизма взаимодействия различных государственных ведомств, характера взаимовлияния стратегических и бизнес-интересов. Эти аспекты рассмотрены в работах британского историка Р. Феррье (Ferrier 1984), швейцарца Ф. Маргера (Marguerat 1987), американца Дж. Науэлла (Nowell 1994). В центре внимания большинства современных исследований находились стратегические факторы нефтяной политики Франции (Nayberg 2006; Pelletier 2018). Подобный аналитический ракурс не позволял в полной мере оценить взаимосвязь военно-политических и торгово-экономических обстоятельств, влиявших на действия Парижа, не давал возможности выявить сложное переплетение частных и государственных интересов в данной сфере.

В существующей историографии наблюдается «дисбаланс» не только тематического, но и хронологического плана. Внимание исследователей намного чаще привлекали 1930-е гг. и отрезок, непосредственно предшествовавший второму мировому конфликту, нежели десятилетие, следовавшее сразу за окончанием Первой мировой войны (Валиахметова 2010; Ергин 2011). Вместе тем для полноценного понимания межвоенного периода важны обе его составные части. Более того, согласно недавней ремарке авторитетного американского экономиста Б. Эйхенгрина, «мир XXI всё сильнее напоминает мир после окончания Первой мировой войны» (Eichengreen 2019: 19).

Нефть как фактор национальной безопасности. Роль англо-американских трестов.

Опыт Первой мировой войны, сопряжённый с ростом применения механизированных сил, наглядно и болезненно продемонстрировал французским политикам, что доступ к нефти непосредственно связан с безопасностью государства. 5 ноября 1918 г., за несколько дней до подписания Компьенского перемирия, глава Генерального комиссариата по топливу сенатор А. Беранже в секретном докладе Совету министров Третьей республики призывал всерьёз задуматься о расширении доступа к нефти после окончания войны: «Франция не может жизнь без нефти так же, как без угля»[5]. Спустя семь лет военный министр Э. Даладье продолжал считать, что борьба за нефтяные ресурсы – долгосрочный фактор международной политики[6].

[5] *DDF.* 1920. T. 1. Paris: Imprimerie Nationale, 1997. P. 263 n1.

[6] Étude sur les lois militaries par Daladier, s.d. (novembre 1925). *AN,* 313 AP 238.

На излёте Первой мировой войны, в сентябре 1918 г., поставки нефти из США покрывали почти 90% французских нужд (Scazzieri 2015: 31). Зависимость Франции от импорта нефти оставалась очень серьёзной и после окончания боевых действий. Единственное месторождение нефти на территории самой Третьей республики (Пешельброн в Эльзасе) удовлетворяло не более 2% французских потребностей (данные на 1924 г.). Остальные поставки шли, главным образом, из США (77%), Румынии (8,2%) и Мексики (4,8%) (обобщённые данные на первую половину 1920-х гг.) (Maurette 1926: 24). К началу 1930-х гг. ситуация несколько изменилась, фиксируя французские попытки диверсифицировать поставки. США сохранили роль лидера, но их доля существенно сократилась (ок. 41%), далее шли Иран (17,5%), Венесуэла (11,5%) и СССР (10,7%) (L'industrie du pétrole 1934: 801).

Дефицит нефти ослаблял не только стратегическое положение Франции на случай войны, но и её экономические позиции в мирное время. В декабре 1918 г. министр иностранных дел С. Пишон писал французскому послу в Великобритании П. Камбону, что «полное отсутствие» месторождений нефти во Франции образует «крайне неприятную лакуну для национальной экономики…» (Nayberg 2006: 112). В 1921 г. правый политический деятель А. Тардье, сыгравший немаловажную роль в лоббировании нефтяных поставок из США в 1917–1918 гг., делал акцент на схожей проблеме (Тардье 1943: 343).

Поставки сырой нефти во Францию, по сути, полностью контролировали международные нефтяные тресты, прежде всего, американская компания «Стандард Ойл оф Нью-Джерси» (и аффилированные с ней структуры) и британо-голландская «Ройял Датч-Шелл». В 1917–1918 гг. «Стандард Ойл» обеспечивала 75–80% французского импорта нефти, «Ройял Датч-Шелл» – 14% (Nowell 1994: 112–113). Подобная зависимость сохранялась на протяжении 1920-х гг. В декабре 1927 г. во время обсуждения проекта «пакта Бриана – Келлога» об отказе от войны в качестве средства национальной политики, французский посол в Вашингтоне П. Клодель сообщал в Париж: «Положение США в мире, ресурсы, которыми они обладают, таковы, что ни одна страна не сможет вести войну в течение долгого времени, если она не будет торговать с ними» (Bolech Cecchi 2007: 151).

Зависимость от англо-американских нефтяных трестов приводила к тому, что нередко де-факто им были подконтрольны и французские компании. Из трёх крупнейших французских фирм (членов «картеля десяти»), контролировавших до войны 60% нефтяного рынка Франции, после 1918 г. независимость сумела сохранить лишь семейная фирма «Демарэ фрэр» (Smith 2005: 551). Её главные довоенные конкуренты/партнёры – «Фёнай э Деспо» (переименована затем в «Петролеэн») и «Фис де Дёйч дё ля Мёрт» – потеряли независимость, став подчинёнными «Стандард Ойл» и «Ройял Датч-Шелл» соответственно (Sassi 2004a: 5; Smith 2005: 427).

Помимо «Стандард Ойл» и «Ройял Датч-Шелл», важным игроком на французском рынке была также Англо-персидская нефтяная компания (АПНК, предшественник современной «Би-Пи»), 51% акций которой владело британское правительство. В 1920 г. совместно с двумя бывшими членами «картеля десяти» (Жорж Лезье э фис, Мэзон Пэ), которым первоначально принадлежало 55% капитала, АПНК основала компанию «Сосьете женераль дез юй э петроль». Вскоре она превратилась в дочку АПНК по продаже нефти и мазута французскому ВМВ (к 1927 г. эта фирма стала его ключевым поставщиком) (Ferrier 1984: 252).

Экспансию международных трестов во Франции подтолкнула либерализация нефтяного рынка после окончания Первой мировой войны. Влияние государственных органов, отвечавших за поставки и распределение нефти – Генерального комитета по топливу (существовал в июле 1917 – августе 1918 г. при Министерстве сельского хозяйства и снабжения) и Генерального комиссариата по нефти (существовал в августе 1918 – феврале 1921 г. при Министерстве торговли и промышленности)[7] – сократилось после ноября 1918 г. В том же направлении подействовала отмена в 1921 г. действовавшей в годы войны государственной монополии на закупку и импорт нефти (Murat 1969: 30). Представляя в Палате депутатов в декабре 1920 г. соответствующий проект, правительство во главе с Ж. Лейгом подчёркивало, что этот шаг позволит диверсифицировать поставки (Ghéciu 1921: 102).

Цели и направления нефтяной политики Франции

Недостаток ряда важных ресурсов, в т. ч. нефти, оставался структурной слабостью французской экономики и стратегии. Политическое и военное руководство Третьей Республики опасалось, что победа 1918 г. будет иметь преходящий характер и не изменит радикальным образом невыгодный для Франции «баланс сил».

Господство на мировом и французском рынке нефти англо-американских монополий задавало общий контекст и те правила игры, в рамках которых развивалась нефтяная политика Франции в 1920-е гг. В качестве её ключевых целей можно выделить: 1) диверсификацию импортных потоков; 2) приобретение контроля либо прямого доступа к источникам нефти; 3) консолидацию французских бизнес-интересов в сфере нефтяной политики при посредничестве государства. Действия на этих направлениях нередко были связаны друг с другом, отражая специфическую ситуацию силы и слабости Франции по итогам Первой мировой войны.

[7] Loi du 28 février 1921. 1922. *Bulletin des lois de la République Française*. Nouv. sér. 1921. Partie principale. T. 13. Paris: Imprimerie nationale. P. 765.

Лавирование между англо-американскими трестами. Вопрос об иракской нефти.

После 1918 г. в попытках расширить доступ к месторождениям нефти в различных частях света Париж сталкивался с сопротивлением не только бывших противников (немцев), не желавших допустить реквизиции своей собственности за рубежом и перехода её к представителям стран Антанты, но и союзников. МИД Франции констатировал наличие «ожесточённой конкуренции за нефть»[8].

Крайне важную роль играло взаимодействие с британцами в отношении ближневосточной нефти. По соглашениям Беранже–Лонг, согласованным к 8 апреля 1919 г. между французским сенатором и британским уполномоченным У. Лонгом, Париж должен был получить 20% акций в нефтяной компании, которая займётся разработкой иракской нефти[9]. Подобная компания стала бы продолжением основанного в 1912 г. международного нефтяного консорциума «Тёркиш Петролеум Компани» (ТПК). Но соглашения, достигнутые Лонгом без согласия британского правительства, были дезавуированы официальным Лондоном, недовольным действиями Парижа в Сирии, где французы стремились закрепить своё присутствие. Аналогичная судьба постигла соглашения Гринвуд–Беранже от 21 декабря 1919 г., согласно которым Франция получала 25% акций ТПК, принадлежавших ранее «Дойче-банку»[10]. Реагируя на очередной отказ британцев от согласованных договорённостей, французская сторона повысила свои требования до 50% акций (Фомин 2010: 240).

В Париже не оставляли надежд на достижение договорённости с британцами. Новое соглашение было заключено 24 апреля 1920 г. во время конференции Верховного Совета Антанты в Сан-Ремо между главой Управления политических и торговых дел МИД Франции Ф. Бертело и директором Нефтяного департамента правительства Великобритании Дж. Кэдменом. Оно не только предоставило Франции 25% акций компании по разработке иракской нефти, но и предполагало проведение совместной нефтяной политики Парижа и Лондона в Румынии, на территориях бывшей Российской империи, в Галиции, а также во французских и британских колониях[11].

Однако идея паритетного сотрудничества с Великобританией, имевшей более сильные позиции в «нефтяном вопросе», вскоре сошла на нет. Британское правительство и АПНК саботировали достигнутые договорённости, затягивали передачу французским партнёрам немецких акций ТПК в надежде не допустить Францию к энергетическим ресурсам Ближнего Востока (Keeton 1987: 60).

---

[8] Note de la Sous-direction d'Europe, 10 juillet 1923. 2013. *DDF*. 1923. T. 2. Bruxelles: P.I.E.–Peter Lang. P. 47.

[9] *Documents on British Foreign Policy 1919–1939*. 1952. Ser. 1. Vol. 4. London: HMSO. P. 1089–1092.

[10] Ibid. P. 1111–1117.

[11] Memorandum of agreement between Berthelot and Cadman, 24 April 1920 (in C[abinet]P[aper] 1524). *The National Archives of Great Britain* (TNA), Cabinet Office (CAB) 24/108. Fol. 89.

Французская дипломатия оказалась в сложном положении: по некоторым проблемам интересы Парижа и Лондона расходились, по другим совпадали.

Так, в начале Лозаннской мирной конференции (1922–1923 гг.) председатель Совета министров Третьей республики Р. Пуанкаре распорядился солидаризоваться с Великобританией по ряду важных вопросов. Пуанкаре поддержал британскую позицию по Мосулу (кемалисты не признавали его вхождения в Ирак, оказавшийся под британским мандатом), ссылаясь на прошлые договорённости с Лондоном, в т. ч. по вопросу иракской нефти[12]. Французская сторона вновь заняла благожелательную для британцев позицию по Мосулу в декабре 1925 г., в период обострения англо-турецких отношений[13]. Было очевидно, что вопрос о Мосуле и дальнейшая судьба ТПК, волновавшая Париж, тесно взаимосвязаны (Earle 1924: 276).

Французская «Компани франсэз де петроль» (КФП), предшественница современной «Тоталь», была заинтересована в скорейшем начале реальной работы ТПК. В конце сентября 1927 г. представители компании подготовили вариант карты, на которой были выделены территории, покрывавшие сферу ответственности ТПК. В предложенных границах акционеры компании должны были действовать солидарно, отказываясь от эксклюзивных концессий и преимуществ. Французская компания, очевидно более слабая, чем британские и американские фирмы, стремилась к тому, чтобы в состав этой сферы вошли все бывшие азиатские владения Османской империи, а сама карта имела бы обязывающий заголовок «Турецкая империя в 1914 г.» (Conlin 2015: 319).

Акционеры ТПК обсуждали французский проект и контрпроекты, выдвинутые АПНК, в январе–июне 1928 г. Представителям КФП, действовавшим в плотном контакте с Бертело, пришлось пойти на уступки. Итоговый вариант карты от 31 июля 1928 г. с «красной линией», очерчивавшей зону совместной деятельности членов ТПК, не включал территорию Кувейта (оставшегося зоной приоритетных британских интересов), а также был лишён указанного выше заголовка. Бертело уже в феврале был вынужден согласиться с тем, что договорённость будет иметь характер исключительно торгового соглашения (Stivers 1983: 25). И даже при таких условиях председатель КФП Э. Мерсье в письме для Бертело от 4 июня торопил МИД Франции согласиться с вариантом АПНК, чтобы как можно скорее начать разработку месторождений (Conlin 2015: 326).

Соглашение о «красной линии» от 31 июля исследователи нередко рассматривают как «первый шаг к урегулированию англо-американских нефтяных противоречий, в значительной степени за счёт нефтяных интересов Франции» (Валиахметова 2009: 35). Отметим, однако, что договорённость принесла КФП, закрепившей за собой 23,75% акций компании, определённые дивиденды, и по-

[12] *DDF*. 1922. T. 2. Bruxelles: P.I.E.–Peter Lang. 2008. P. 523.

[13] CP 510 (25), Note by Amery, 1 December 1925. *TNA,* CAB 24/176. Fol. 30.

зволила стать пусть младшим, но партнёром англо-американских монополий в разработке важных месторождений.

Другим вызовом была британская позиция по вопросу о маршруте транспортировки иракской нефти. Власти Третьей республики стремились добиться реализации соглашения Бертело–Кэдмен о строительстве двух нефтепроводов и железных дорог, по которым нефть Ирака пойдёт через «французскую сферу влияния в порт или порты Восточного Средиземноморья»[14]. Предпочтительным для Парижа был порт Триполи на территории французского мандата в «Большой Сирии». Правительство Третьей республики стремилось к тому, чтобы французская доля иракской нефти, полученная через ТПК, находилась под максимальным контролем Франции, т.е. доставлялась в подконтрольный французам порт (Триполи) и далее на французских танкерах отправлялась на нефтеперерабатывающие заводы Третьей республики (Toprani 2019: 79).

Однако британские власти выступили за альтернативный маршрут (Багдад–Хайфа), не желая, как подчёркивал правительственный Комитет имперской обороны в июне 1928 г., «находиться в милости от французов в том, что касается поставок [нефти]»[15]. Итоговый англо-французский компромисс от 7 февраля 1931 г. предполагал строительство двух линий нефтепровода (на Триполи и на Хайфу), что частично удовлетворило Париж (Валиахметова 2006: 314).

Поиск контроля и прямого доступа к нефти в Восточной Европе и в СССР.

Зависимость от англо-американских нефтяных компаний соседствовала с проявлениями относительной силы Третьей республики после 1918 г. В Париже надеялись конвертировать плоды военной победы в долгосрочные экономические преимущества. Опираясь на положения мирных договоров 1919–1920 гг., руководство Франции стремилось, среди прочего, конфисковать и использовать бывшую немецкую собственность за рубежом.

«Нефтяной фактор» занимал в этих планах важное место. Помимо бывшего пакета акций «Дойче-банка» в ТПК, французские власти и бизнес имели серьёзные виды на активы немецкого бизнеса в Румынии, бывших частях Германской империи, вошедших в состав Польши, на Балканах. Париж, имевший тесные военно-политические отношения со странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, стремился конвертировать их в экономические дивиденды (Soutou 1976).

Уже вскоре после окончания войны на основе акций, принадлежавших «Дойче-банку» в румынской нефтяной компании «Стяуа Романа», которые перешли

[14] Memorandum of agreement between Berthelot and Cadman, 24 April 1920 (in CP 1524). *TNA,* CAB 24/108. Fol. 89.
[15] CID 886-B, Report by Sub-Committee, 13 June 1928 (in CP 68 (29)). *TNA,* CAB 24/202. Fol. 234.

во французское владение, была сформирована компания «Стяуа Франсэз». Она действовала в составе международного холдинга «Омниум интернасьональ де петроль», тесно связанного со «Стандард Ойл».

Основным вкладчиком «Стяуа Франсэз» стал банк «Париба», получивший летом 1920 г. контроль над ключевыми румынскими нефтяными компаниями «Стяуа Романа» и «Коломбия». К Париба во главе с влиятельным банкиром Г. Финали присоединились промышленные группы Мерсье (бизнесмен в сфере электроэнергетики и будущий председатель КФП), а также М. Шампена (активы в металлургии и банке «Мирабо») (Kuisel 1983: 26–27). В записке от 25 октября 1920 г. председатель Совета министров Франции Ж. Лейг призывал Министерство финансов поощрять экспансию французского бизнеса за рубежом. Лейг считал необходимым воспользоваться ослабленностью валют местных стран, скупая в них активы (Marguerat 2004: 136).

Влиятельным игроком нефтяной политики Парижа в Румынии была военная промышленность Франции, считавшаяся в 1920-е гг. одной из наиболее могущественных в мире. Примечательным в этом смысле был франко-румынский правительственный контракт от 28 декабря 1920 г., предполагавший поставки французских самолётов в обмен на румынскую нефть и денежные выплаты. Даже несмотря на то, что в августе–сентябре 1922 г. контракт ещё не был выполнен из-за ряда французских претензий к румынской стороне, в марте 1923 г. Пуанкаре настоял на необходимости поставить самолёты в Румынию[16]. Он не только не хотел уступать рынок иностранным конкурентам (в т. ч. британцам), но и учитывал потенциальную роль румынской нефти для Франции.

Схожая ситуация наблюдалась в Польше. Об относительной силе французских позиций в этой стране говорило то, что именно Париж отказался от солидарной с британцами нефтяной политики во Второй Речи Посполитой и Восточной Галиции (официально включена в состав Польши в марте 1923 г.). Как писал Бертело в телеграмме послам Франции от 4 февраля 1921 г., «до войны Франция обладала значительными возможностями и инвестировала значительные капиталы в Галицию», и после 1918 г. «она продолжила проводить независимую линию» в этом вопросе[17].

Заключение франко-польской конвенции от 6 февраля 1922 г. по галицийской нефти стало крупным дипломатическим успехом Парижа. Власти Третьей республики получили возможность выбирать (совместно с правительством Польши) фирмы-экспортёры нефти во Францию, а польские власти применяли к этому экспорту тарифы, аналогичные тем, которыми облагалась нефть и нефтепродукты, шедшие на внутренний рынок (Ledenev 2020: 117). Выступая

[16] Poincaré à Laurent-Eynac, 16 août 1922. *DDF*. 1922. T. 2. P. 178; Poincaré à Lasteyrie et Maginot, 21 février 1923. *DDF*. 1923. T. 1. Bruxelles: P.I.E.–Peter Lang, 2010. P. 267.

[17] *DDF*. 1921. T. 1. Bruxelles: P.I.E.–Peter Lang, 2004. P. 115.

1 марта 1925 г. в Национальном музее искусств и ремёсел, глава Государственного управления жидкого топлива Л. Пино подчёркивал, что французским компаниям удалось получить контроль над большинством бывших немецких компаний в Польше, несмотря на сопротивление германских властей и бизнеса (Pineau 1925). Помимо Польши и Румынии, на протяжении 1920-х гг. французские фирмы осуществляли разведку нефти на боснийских землях (в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев) (Борисов 1964: 127), делали инвестиции в нефтеперерабатывающие заводы на территории Чехословакии (Keeton 1987: 55).

Ещё более крупную роль в интересах Франции могла сыграть советская нефть. Мысль о том, что нефтяные ресурсы СССР (прежде всего, на Северном Кавказе и в Закавказье) могут укрепить энергетическую безопасность Третьей Республики, а также снизить давление на неё со стороны монополий США и Великобритании, не оставляла французские правительственные круги на протяжении всех 1920-х гг. К тому же получение предполагаемых нефтяных концессий должно было обеспечить частичное покрытие «царских долгов», от выплаты которых отказалось советское правительство[18].

В записке от 28 октября 1920 г., поданной на имя Лейга, В.А. Лоран Эйнак, сменивший Беранже на посту директора Генерального комиссариата по нефти и топливу, обратил особое внимание на территории близ г. Грозный. В получении грозненских нефтяных концессий Лоран Эйнак видел способ «освободиться от доминирования [англо-американских – И.М.] трестов»[19]. В марте 1922 г., в преддверии Генуэзской конференции, схожие аргументы использовал Пино, а также бывший французский посол в России Ж. Нуланс[20].

Однако конференция в Генуе обернулась для французских властей разочарованием, в т. ч. по «нефтяному вопросу». В телеграмме от 2 мая 1922 г. Пуанкаре предписал главе французской делегации Л. Барту выехать в Париж для консультаций. В качестве причин этого шага председатель Совета министров упомянул не только разозлившее Париж советско-германское Рапалльское соглашение. От анонимного друга Пуанкаре узнал о концессии, якобы предоставленной советскими властями «Ройял Датч-Шелл» в декабре 1921 г. Председатель Совета министров был в бешенстве, обвиняя британцев в том, что они вели игру за спиной у Франции (Hogenhuis-Seliverstoff 1991: 144). Однако начальник Генштаба французской армии генерал Э. Бюа понимал, что за доступ к советской нефти Лондон конкурирует как с французами, так и с американцами. В дневниковой записи от 8 мая 1922 г. после замечания «конференция в Генуе мертва» Бюа отметил и наличие позитивных сигналов. Конкуренция с британ-

[18] Laurent Eynac à Millerand, 10 août 1920. *DDF*. 1920. T. 2. Paris: Imprimerie Nationale. 1999. P. 109.
[19] *DDF*. 1920. T. 3. Paris: Imprimerie Nationale, 2002. P. 231n1.
[20] Noulens à Poincaré, 1 mars 1922. *DDF*. 1922. T. 1. Bruxelles: P.I.E.–Peter Lang, 2007. P. 299–300.

цами, согласно логике генерала, подтолкнёт «Стандард Ойл» к улучшению отношений с французами[21].

В отношении советской нефти англо-французская конкуренция была очевидна. Примечательно, что среди вопросов, которые, согласно указаниям сентября 1923 г., должны были разрабатывать французские военные разведчики на кавказском направлении, упоминались британские интриги в вопросе нефтяных концессий[22]. Глава «Ройял Датч-Шелл» Г. Детердинг в июне 1928 г., согласно данным советской внешней разведки, убеждал французских депутатов в том, что СССР не сможет «выполнять своих договоров по крупным поставкам нефти в Европу»[23]. Однако французский бизнес и власти не собирались следовать советам Детердинга.

Представители нефтяной промышленности Франции уже в начале 1920-х гг. выступали за скорейшее установление отношений со страной Советов, желая обеспечить себе привилегированный доступ к кавказской нефти. Одним из важных французских визитёров, посетивших СССР в феврале, мае–июне 1923 г. – при отсутствии дипломатических отношений, – стал промышленник Дюверже, связанный с «Омниум интернасьональ де петроль» и французским банком «Сосьете женераль». Цель миссии Дюверже, согласно французскому дипломатическому представителю в Литве Г. Падовани, заключалась в том, чтобы «согласовать с советскими властями договорённость о добыче и эксклюзивном праве на продажу кавказской нефти»[24]. Дюверже добился определённого успеха, получив летом 1923 г. две важные нефтяные концессии: в районе Баку (в обмен на ежегодные выплаты правительству СССР от продажи нефти) и в устье р. Эмба на Северном Каспии (там была создана совместная франко-советская компания, имевшая широкие права по разведке нефти в Поволжье и Средней Азии) (Sutton 1970: 29).

Дипломатическое признание СССР Францией в октябре 1924 г. способствовало развитию торговых контактов между двумя государствами, в т. ч. в сфере нефтяных поставок. В январе 1925 г. состоялось подписание контракта с франко-бельгийской фирмой «Петрофина», по которому «Петрофина» закупила в СССР 80 тыс. т бензина и 40 тыс. т смазочных масел (Борисов 1964: 49). Дела развивались стремительно, и в 1928 г. «Петрофина» и связанные с ней французские компании законтрактовали советские поставки в объёме 2,2 млн т нефти (Nowell 1994: 162).

В 1925–1927 гг. на нефть и нефтепродукты приходился 21% совокупного французского импорта из СССР, а доля советской нефти в совокупном нефтя-

---

[21] *Journal du général Buat, 1914–1923.* Prés. par F. Guelton. Paris: Perrin. 2015. P. 1205.

[22] Questionnaire remise à Bertrand, 10 septembre 1923 // *SHD/DAT*, 7N 3120.

[23] От ИНО ОГПУ, 25 июня 1928 г. *Российский государственный архив социально-политической истории.* Ф. 558. Оп. 11. Д. 184. Л. 12.

[24] Padovani à Poincaré, 19 mai 1923. *AMAE.* 117 CPCOM 352. Fol. 16.

ном импорте Франции в 1930 г. приблизилась к 11%. Проблемы, безусловно, существовали: крупные контракты, наподобие заключённого с «Петрофиной», оставались одиночными, либо были результатом действий правительства, а не самих французских компаний (Jeannesson 2000: 425–426).

Французская военная разведка в лице 2-бюро Генштаба армии в 1931 г. продолжала исходить из того, что СССР обладает 35% от разведанных мировых запасов нефти. Обмен советской нефти и других ресурсов на западные технологии рассматривался как важная часть общих отношений Москвы и стран Запада[25]. Когда французский посол в СССР Ж. Эрбетт в декабре 1929 г. задумался о возможном введении специального налога на советский экспорт в Третью Республику (средства от него должны были частично покрыть «царские долги»), МИД Франции призвал к осторожности. Подобные меры приведут к увеличению цен, которое скажется «на общем состоянии нашей экономики и вызовет очень серьёзные протесты, особенно среди французских импортёров нефти»[26].

Взаимосвязь внешних и внутренних факторов в нефтяной политике Франции

Попытки французской дипломатии и бизнеса получить доступ к нефтяным поставкам из различных стран или установить прямой контроль над теми или иными месторождениями были напрямую связаны с правительственными мерами по консолидации интересов с бизнесом в вопросах нефтяной политики.

Призывы к подобной консолидации раздавались ещё в ходе Первой мировой войны (Nowell 1994: 105). Для регулирования рынка и сокращения конкуренции за дефицитную нефть французское правительство в марте 1918 г. создало Французский нефтяной консорциум, объединивший основные нефтеперерабатывающие компании (Ferrier 1984: 241–242). Однако было неясно, продолжит ли он своё существование, не вписывавшееся в логику «капитализма свободной конкуренции», после ноября 1918 г.

Попытки консолидировать усилия правительства и различных фирм Франции, связанных с нефтяной политикой, наталкивались на сложности даже в условиях войны. После её окончания положение дел стало ещё затруднительнее. Крупные фирмы, имевшие выходы на различные правительственные круги и ведомства и нередко связанные с международными нефтяными монополиями, соперничали друг с другом и не желали жертвовать собственными интересами. Усилия властей Третьей республики по гармонизации различных интересов наталкивались на конкуренцию не только частных компаний, но и государственных ведомств.

[25] Matériel de guerre: V. étude du 2ème bureau, Juin 1931. *SHD/DAT,* 2N 238.
[26] Briand à Herbette, 23 janvier 1930. *AMAE.* URSS. Vol. 1001. Fol. 18.

Формально интервенционистская политика французских властей по регулированию нефтяной отрасли не была отодвинута в сторону сразу после окончания войны. Во внутренней записке от 15 марта 1920 г., в преддверии нового тура франко-британских переговоров, Беранже предлагал развить эту линию. Он призывал председателя Совета министров А. Мильерана задуматься о том, как будет организована эксплуатация иракских месторождений: государством или «объединением [частных – И.М.] компаний при контроле со стороны правительства Республики либо при участии государства»[27].

Однако реальная ситуация выглядела сложнее, чем в описании Беранже: между фирмами шла ожесточенная конкуренция, а официальная линия правительства была неустойчивой. В августе 1919 г. часть французского бизнеса, ориентировавшегося на банк «Юньон паризьен» и его политических покровителей в Министерстве финансов (министры Л. Клоц и Ф. Франсуа-Марсаль), предприняла попытку создать совместную нефтяную компанию с «Ройял Датч-Шелл» (Marguerat 1987: 35–37), что вызвало резкое недовольство американского нефтяного гиганта, де-факто проводившего в 1919–1920 гг. политику нефтяного эмбарго в отношении Франции. В своём давлении на французский бизнес и правительство «Стандард Ойл» опиралась не только на инструменты внешнего давления: с американским трестом был тесно связан банк «Париба», с которым «Стандард Ойл» организовала в 1920 г. холдинговую компанию «Стандард франко-американ» (51% акций принадлежали французам) (Kuisel 1983: 26).

Если опорой «Юньон Паризьен» в правительстве выступало Министерство финансов, то представители «Париба» имели хорошие связи в МИД Франции. В начале 1920-х гг. внешнеполитическое ведомство Третьей республики де-факто проводило отличную от Министерства финансов линию в «нефтяном вопросе». Одной из её основных целей было установление контроля над румынской нефтью, находившейся под контролем компании «Стяуа Романа». В этих начинаниях «Париба» сталкивался с «Ройял Датч-Шелл», контролировавшей главного румынского конкурента «Стяуа Романа» – компанию «Астра Романа». Борьба американской и британской монополий, действовавших подчас через французские фирмы и покровительствовавшие им ведомства, напрямую отражалась в колебаниях нефтяной политики официального Парижа (Bussière 1982).

Даже внутри одного государственного ведомства существовали различные позиции, многое к тому же зависело от конкретного вопроса. В документах МИД Франции в июне 1920 г. присутствовали идеи о нежелательности ориентироваться исключительно на «Стандард Ойл» и о необходимости укрепить отношения с «Ройял Датч-Шелл»[28]. Глава управления МИД по вопросам частных интересов и собственности Ш. Альфан в июле 1922 г. продолжал патронивать

[27] *DDF*. 1920. T. 1. P. 373.
[28] Note du Département, 7 juin 1920. *DDF*. 1920. P. 109.

сближение «Петрофины» с «Ройял Датч-Шелл»[29]. При этом Пино в мае 1923 г. ставил противоположную цель сближения «Петрофины» с АПНК – конкурентом британо-голландского нефтяного гиганта (сближение было сорвано усилиями Г. Детердинга, в то время возглавлявшего правление «Роял Датч-Шелл») (Nowell 1994: 153, 156).

За общими посылами о стратегической роли нефти для Франции стояли и интересы, связанные не столько с государственной стратегией, сколько с бизнесом. В записке Мильерану от 28 февраля 1920 г. Беранже с тревогой интересовался, что произойдёт с французским флотом, если «по стратегическим или финансовым причинам» он перестанет получать нефть из США «в течение более или менее длительного времени?»[30]. Помимо прочего, обеспокоенность Беранже была продиктована тесными связями с «Ройял Датч-Шелл»; сенатор нередко выступал лоббистом интересов компании во французском руководстве[31].

Таким образом, в начале 1920-х гг. государственная политика Франции в «нефтяном вопросе» состояла в лавировании между конкурирующими нефтяными монополиями, завязанном на борьбу аффилированных со «Стандард Ойл» и «Ройял Датч-Шелл» групп интересов внутри самой Третьей Республики.

Некоторые политики, сознавая эти проблемы, призывали сократить конкуренцию между французскими фирмами и консолидировать бизнес-интересы. Де-факто речь шла о поиске комбинаций частных интересов при посредничестве правительства.

Ликвидация в феврале 1921 г. Генерального комиссариата по нефти и замена его Управлением по топливу и нефти (в структуре Министерства торговли и промышленности) не отменяла идеи активизировать государственное вмешательство. В апреле 1921 г. Э. Эррио, председатель центристской партии радикалов, к которой принадлежал и Беранже, призывал укрепить и расширить полномочия Управления (Nowell 1994: 161). В сентябре в Министерстве торговли и промышленности был готов проект создания Государственного управления по нефти, которое занималось бы координацией нефтяной политики Франции, в т. ч. с прицелом на возможные поставки из СССР[32]. Вето на этот замысел наложил Р. Пуанкаре, занявший пост председателя Совета министров в январе 1922 г.: «… просоветская (в вопросах нефти) позиция предполагаемого Государственного управления была, с точки зрения Пуанкаре, чересчур “розовой”…» (Nowell 1994: 161).

Вместе с тем именно при Пуанкаре были предприняты шаги, направленные на усиление координации нефтяной политики Франции. Как и в случае с предложениями Беранже от марта 1920 г., одним из ключевых стимулов тому послу-

[29] Alphand à Paris, 11 juillet 1922. *AMAE*. 118 PAAP 93. Fol. 86.
[30] *DDF*. 1920. T. 1. P. 263.
[31] Note du Département, 7 juin 1920. *DDF*. 1920. P. 109.
[32] Dior à Briand, 28 septembre 1921. *DDF*. 1921. T. 2. Bruxelles: P.I.E.–Peter Lang, 2005. P. 335–336.

жил внешнеполитический вопрос – характер участия Франции в эксплуатации иракской нефти через ТПК. В мае 1923 г. Совет министров принял решение об учреждении Французского синдиката по исследованиям нефти, который должен был рассмотреть данный вопрос. Создание синдиката послужило прологом к формированию КФП (Nouschi 1976).

Концепция будущей компании была сформулирована в письме, которое Пуанкаре отправил 20 сентября 1923 г. Мерсье (к этому шагу председателя Совета министров подвигнул К. Пино). КФП, по словам Пуанкаре, была призвана стать «инструментом для осуществления государственной нефтяной политики», преследуя при этом четыре основных цели: 1) использовать нефтяные ресурсы, к которым Франция получила доступ благодаря «дипломатическим или иным договорам»; 2) принимать участие в разработке иных месторождений нефти (особенно в Центральной и Южной Америке) с целью диверсифицировать поставки; 3) представлять интересы Франции в вопросе «российских концессий»; 4) заниматься при поддержке государства разведкой и разработкой нефтяных месторождений во Франции и зависимых от неё территориях (Nowell 1994: 171–172).

Распределение первоначального капитала КФП (24,15 млн франков в 1924 г.) демонстрировало, что интересы государства предполагалось реализовывать через частные компании. Мерсье делал ставку на привлечение частного капитала, представители которого стали главными акционерами КФП. 42,9% акций принадлежали французским компаниям (в т. ч. 14% «Демарэ фрэр»), 23,1% – англо-американским трестам (это вновь подчёркивает, что КФП не была воплощением этатизма и «суверенитета» в нефтяной политике), 22,1% – французским банкам, 11,9% – бельгийским компаниям (в т. ч. 3,6% «Петрофине») (Sassi 2004b). Если исходить из аффилиации фирм друг с другом, то распределение долей в изначальном капитале КФП ещё более выпукло демонстрировало, что она была «рамкой» для сосуществования французских и иностранных интересов, а не инструментом интервенционистской национальной политики. Французские фирмы во главе с «Дэмарэ фрэр», которых можно было считать независимыми игроками, обеспечили 18,9% от изначального капитала, а группа компаний, связанных с «Петрофиной» – 15,1%. Эти показатели превосходили долю компаний, связанных с «Ройял Датч-Шелл» (7,9%), но уступали группе «Стандард Ойл» и «Париба», ставших фактически главными вкладчиками (27,6%) (Nowell 1994: 177).

Французские власти, передавшие КФП акции ТПК, изначально сохраняли определённый контроль над новой компанией, в числе прочего – определяя общий объём капитала КФП. По соглашению с КФП от 15 марта 1929 г. государство стало крупным акционером компании (35% капитала), получив за счёт распределения акций контроль над 40% голосов. Капитал КФП к этому времени был увеличен до 200 млн франков (Sassi 2004a: 14). Можно предположить, что эти процессы были обусловлены прогрессом по договорённостям внутри ТПК

и появлением реальной перспективы получить крупные поставки ближневосточной нефти.

С международными факторами тесно связаны и две другие инициативы французских властей, которые в литературе интерпретируются преимущественно в логике этатизма (Murat 1969: 30–31), но не укладываются исключительно в неё. Создание, согласно закону от 10 января 1925 г., Государственного управления по жидкому топливу во главе с Пино (в структуре Министерства торговли и промышленности) было нацелено на улучшение законодательного регулирования нефтяной отрасли, поддержку нефтяной промышленности Франции мерами таможенного характера, субсидирование французского нефтеналивного флота, разведку нефти на территории Третьей Республики и колоний[33].

Появление Государственного управления по жидкому топливу воплощало идеи начала 1920-х гг., к сторонникам которых относился Э. Эррио, чья партия пришла к власти после парламентских выборов мая 1924 г. Вместе с тем закон от 10 января стал результатом лоббирования со стороны ряда французских фирм и «Петрофины», заинтересованных в активизации поставок советской нефти (Nowell 1994: 161). Первый советский полпред во Франции Л.Б. Красин 20 декабря 1924 г. сообщил в Москву об итогах своей недавней встречи с Эррио, подчеркнув, что председатель Совета министров «проявил большой интерес к возможности прямых доставок нефти нами для французского правительства»[34].

Дальнейшее усиление государственных функций контроля над импортом нефти было зафиксировано законами от 16 и 30 марта 1928 г. Они предоставляли правительству право выдавать специальные разрешения на импорт, переработку и дистрибуцию нефти и нефтепродуктов во Франции. Выдача разрешений на импорт обуславливалась тем, что 2/3 судов, осуществлявших импорт, должны были ходить под французским флагом (Régime d'importation du pétrole 1928). Эти меры были подкреплены созданием 30 апреля 1929 г. «Компани франсэз де раффинаж» (КФР) по переработке нефти на территории Франции. Её основными акционерами стали КФП (55% акций), «Дэмарэ фрэр» (18,7%) и государство (10%) (L'industrie du pétrole 1934: 804).

* * *

Стремление обеспечить доступ французского бизнеса к новым месторождениям нефти, лавирование между противоречивыми британскими и американскими интересами, наконец, попытки сделать из правительства Третьей

[33] Loi du 10 janvier 1925 relative au régime des pétroles et portant création d'un l'Office national des comustibles liquides. *Annales de l'Office national des comustibles liquides.* 1926. 1(1). P. 153–157.
[34] *Документы внешней политики СССР.* 1963. Т. 7. Москва. С. 583.

республики медиатора в урегулировании противоречий между различными фирмами – всё это были взаимосвязанные элементы нефтяной политики Франции.

В рамках нефтяной политики Парижа стратегические факторы и бизнес-интересы неразрывно связаны друг с другом. Потребности, вызванные императивами войны, традиционно рассматриваются в литературе в качестве одной из важных движущих сил расширения и углубления возможностей и функций государства (Тилли 2009). Первая мировая война зафиксировала серьёзное увеличение государственных функций в экономике, функционировавшей в условиях конфликта не по принципам «капитализма свободной конкуренции».

Проанализированный кейс Третьей республики демонстрирует, что противопоставление государственной и частной политики, интересов безопасности и бизнеса в сфере нефтяной политики является упрощением. Во Франции сознание возросшей роли нефти для вооружённых сил и экономики соседствовало с неготовностью ни к ярко выраженной этатистской линии в экономике, ни к попыткам радикально изменить правила нефтяной политики как внутри страны (за счёт национализаций), так и во взаимодействии со «Стандард Ойл» и «Ройял Датч-Шелл».

В условиях рыночно-капиталистической модели, которая существовала во Франции в 1920-е гг., в реализации нефтяной политики официальные власти действовали в значительной степени через крупнейшие частные компании, нередко связанные с англо-американскими лидерами глобального нефтяного рынка. Имел место не столько конфликт этатизма и частной инициативы, сколько их своеобразный «симбиоз», при котором правительство выступало координатором, модератором, а подчас и проводником различных бизнес-интересов, желая соотнести их со стратегическими интересами Франции.

Пример Третьей республики в 1920-е гг. демонстрирует, как отсутствие полноценного контроля над источниками нефти ограничивало свободу дипломатического манёвра даже «великой державы», сказывалось на зависимости важных секторов её экономики от иностранных компаний. В этом смысле эффективность нефтяной политики Парижа в первое послевоенное десятилетие оставалась относительно низкой, французские власти не предприняли радикальных мер по решению проблемы зависимости страны от импорта «чёрного золота».

Вместе с тем рассмотренный пример служит иллюстрацией одной из возможных стратегий по диверсификации поставок со стороны державы, не имеющей крупных месторождений нефти под собственным контролем. Французские власти и бизнес лавировали между «Стандард Ойл» и «Ройял Датч-Шелл» и отнюдь не были против договорённостей с ними на относительно устраивавших Париж условиях, как то демонстрировала история ТПК. В рамках подобного сценария государственный интервенционизм в сфере нефтяной политики служил способом получить относительные преимущества во взаимодействии с иностранными лидерами нефтяного рынка. Обнаружение месторождений неф-

ти во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. на подконтрольных Франции территориях в Алжире и Западной Африке, безусловно, укрепило позиции Парижа и КФП (Salut 2006).

Содержание и выводы данной статьи открывают возможности для сравнительных исследований с вариативной проблематикой. Речь может идти, к примеру, о сопоставлении французского кейса с примерами других стран в 1920-е гг., о сравнении характера и контекста влияния «нефтяного фактора» на международные отношения в различные исторические периоды, о выявлении иных вариантов государственно-частного взаимодействия в сфере нефтяной политики, чем проанализированный выше. Возможны дальнейшие исследования нефтяной политики Франции в 1920-е гг. за счёт привлечения новых исторических источников, более труднодоступных, чем процитированные в данной статье, например, архивов частных компаний, в т.ч. «Тоталь».

Об авторе:

Искандэр Эдуардович Магадеев – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.
E-mail: iskander2017@yandex.ru.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

Благодарности:
Автор выражает признательность Р.А. Сетову за ценные комментарии к ранним версиям исследования, а также сотрудникам процитированных архивов за помощь в поиске документов.

UDC 327.8
Received: July 12, 2021
Accepted: November 20, 2021

Business or Security? Goals and Decision-Making Inside the French Oil Policy of the 1920s

I.E. Magadeev
DOI 10.24833/2071-8160-2022-1-82-38-59

MGIMO-University

Abstract: The article aims to explore the interplay between economic and strategic reasons, which influenced the oil policy of the French government and business in the 1920s. The author demonstrates the heterogeneity and complexity of this policy the diverse nature of

motives and interests behind the different attempts to acquire access to the oil. The French case throws some new light on the role of the "oil factor" in international relations and Great Powers' politics. The article comprehensively deals with the topics often divided between different fields - strategic studies, international political economy, diplomatic history. The author uses French archives to place Paris' oil policy into the broader context of the French strategy and diplomacy in the first decade after WWI. Additional documents from the British and Russian archives help understand essential aspects of the Anglo-French and Franco-Soviet interactions around the "oil question." After underlying the new strategic importance of oil, which became evident during WWI, and describing the oil dependence of France from the Anglo-American trusts ("Standard Oil" and "Royal Dutch-Shell"), the author traces the three key aims of the French oil policy. First, to diversify the supplies; second, to acquire control or direct access to the oil sources; and, finally, to consolidate the French business interests with the mediation of the state authorities. French actions in these three directions were interlinked, and they mirrored a specific situation of power and weakness of France after WWI. The article concludes that the strategic and economic reasons were interwoven inside the French oil policy. Though the French authorities perceived the growing strategic importance of oil sharply, they were not prepared to follow the clear étatist economic policy and did not try to make a radical change of the established rules of oil policy both inside the Third Republic and in the relations with "Standard Oil" and "Royal Dutch-Shell."

Keywords: France, oil policy, 1920s, energy security, Bérenger, Pineau, Anglo-American trusts, lobbying

About the author:

Iskander E. Magadeev – Candidate of Sciences, Associate Professor, Department of European and American Studies, MGIMO University. 119454, Moscow, prospekt Vernadskogo, 76.
E-mail: iskander2017@yandex.ru

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:
The author expresses gratitude to Roman A. Setov for his valuable comments on preliminary drafts of the article and to the staff of the archives, which were cited in the article, for their assistance in the documental research.

References:

Baumann F. 2008. Energy Security as Multidimensional Concept. *CAP Policy Analysis*. 3(1). P. 1–14.

Beltran A. 2018. L'industrie pétrolière en France pendant la Première Guerre mondiale: une prise de conscience tardive. *L'industrie dans la Grande Guerre*. Sous la dir. de P. Fridenson, P. Griset. Paris: Comité pour l'histoire économique et financière de la France. P. 151–159. (In French)

Bolech Cecchi D. 2007. The Outlawry of War and the Kellogg-Briand Pact. *For Peace in Europe: Institutions and Civil Society between the World Wars*. Ed. by M. Petricioli, D. Cherubini. Bruxelles: Peter Lang. P. 141–168.

Bussière E. 1982. La France et les affaires pétrolièrs au lendemain de la Première Guerre Mondiale: la politique des groupes financiers à travers celle de la banque de l'Union Parisienne. *Histoire, économie et société*. 1(2). P. 313–328. (In French)

Conlin J. 2015. Drawing the Line: Calouste Gulbenkian and the 1928 Red Line Agreement. *The First World War and its Aftermath: the Making of the Modern Middle East*. Ed. by T.G. Fraser. London: University of Chicago Press. P. 313–331.

Eichengreen B. 2019. Versailles: the Economic Legacy. *International Affairs*. 95(1). P. 7–24.

Earle E.M. 1924. The Turkish Petroleum Company – A Study in Oleaginous Diplomacy. *Political Science Quarterly*. 39(2).

Ferrier R.W. 1984. French Oil Policy, 1917–30: the Interaction between State and Private Interests. *Enterprise and history: Essays in honour of Charles Wilson*. Ed. by D.C. Coleman, P. Mathias. Cambridge: Cambridge UP. P. 237–262.

Ghéciu B. 1921. *La politique du pétrole en France*. Paris: Université de Paris. (In French)

Hogenhuis-Seliverstoff A. 1991. French Plans for the Reconstruction of Russia: A History and Evaluation. *Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922*. Ed. by C. Fink, A. Frohn, J. Heideking. Cambridge: Cambridge UP. P. 131–148.

Jeannesson S. 2000. La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l'URSS (1921–1928). *Histoire, économie et société*. 19(3). P. 411–429. (In French)

Keeton E.D. 1987. *Briand's Locarno Policy. French Economics, Politics and Diplomacy, 1925–1929*. New York: Garland Publishing. 403 p.

Kuisel R.F. 1983. *Capitalism and the State in Modern France: Renovation and Economic Management in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge UP. 368 p.

L'industrie du pétrole. 1934. *Revue d'économie politique*. Vol. 48.

Ledenev S. 2020. Establishing French Control over the Oil Fields of Eastern Galicia, 1918–1923. *Wars and Betweenness: Big Powers in Middle Europe, 1918–1945*. Ed. by A. Piahanau, B. Aleksov. New York: Central European UP. P. 103–120.

Marguerat Ph. 1987. *Banque et investissement industriel. Paribas, le pétrole roumain et la politique française*. Genève: Droz. 145 p. (In French)

Marguerat Ph. 2004. Les investissements français dans le Bassin danubien durant l'entre-deux-guerres: pour une nouvelle interprétation. *Revue historique*. №629. P. 121–162. (In French)

Maurette F. 1926. Le pétrole: étude de géographie économique. *Annales de géographie*. №193. P. 24.

Murat D. 1969. *L'intervention de l'État dans le secteur pétrolier en France*. Paris: Éditions Techip. 328 p. (In French)

Nayberg R. 2006. La politique française du pétrole à l'issue de la Première guerre mondiale: perspectives et solutions. *Guerres mondiales et conflits contemporaines*. №224. P. 111–133. (In French)

Nouschi A. 1976. L'État français et les pétroliers anglo-saxons: la naissance de la Compagnie française des pétroles (1923–1924). *Relations internationales*. №7. P. 241–259. (In French)

Nouschi A. 2001. *La France et le pétrole de 1924 à nos jours*. Paris: Picard. 452 p. (In French)

Nowell G.P. 1994. *Mercantile States and the World Oil Cartel, 1900–1939*. Ithaca: Cornell UP. 326 p.

Pelletier F. 2018. Pétrole et enjeux politiques en France: La naissance d'un secteur stratégique. *Vingtième Siècle*. №140. P. 123–136. (In French)

Pineau L. 1925. La politique française du pétrole et des combustibles liquides. *Bulletin Quotidien de la Société d'études et d'informations économiques*. 18 avril 1925. №87. P. 1–31. (In French)

Régime d'importation du pétrole. 1928. *Annales de l'Office national des comustibles liquides*. 3(2). P. 245–247.

Salut S. 2006. Politique nationale du pétrole, sociétés nationales et «pétrole franc». *Revue historique.* №638. P. 355–388. (In French)

Sassi M. 2004a. Evolution of the Structure of the French Oil Economy between the Wars: Toward a French Holding Company. *Business and Economic History On-Line.* Vol. 2. P. 1–23.

Sassi M. 2004b. Le rôle du technocrate: Ernest Mercier et la mise en place d'une industrie française entre les deux guerres [Electronic ressource]. *Bulletin de l'IHTP.* №84. (In French). URL: https://ihtp2004-siteihtp2004.ihtp.cnrs.fr/spip.php?article311&lang=fr (accessed 13.02.2022)

Scazzieri L. 2015. Britain, France and Mesopotamian Oil, 1916–1920. *Diplomacy & Statecraft.* 26(1). P. 25–45.

Smith M.S. 2005. *The Emergence of Modern Business Enterprise in France, 1800–1930.* Cambridge (Massachusetts): Harvard UP. 575 p.

Soutou G.-H. 1976. L'impérialisme du pauvre: la politique économique du gouvernement français en Europe centrale et orientale de 1918 à 1929. *Relations internationales.* №7. P. 219–239. (In French)

Stivers W. 1983. A Note on the Red Line Agreement. *Diplomatic History.* 7(1). P. 23–34.

Sutton A.C. 1970. *Western Technology and Soviet Economic Development, 1917 to 1930.* 2nd ed. Stanford: Hoover Institution on War, Revolution and Peace. 381 p.

Toprani A. 2019. *Oil and the Great Powers: Britain and Germany, 1914 to 1945.* Oxford: Oxford UP. 336 p.

Borisov Ju.V. 1964. *Sovetsko-francuzskie otnoshenija (1924–1945 gg.)* [Soviet-French Relations (1924–1945)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija Publ. 551 p. (In Russian)

Boronov R. 1977. *Neft' i politika SShA na Blizhnem i Srednem Vostoke* [Oil and the US Policy in the Near and Middle East]. Moscow: Nauka Publ. 271 p. (In Russian)

Ergin D. 2006. Garantirovat' jenergeticheskuju bezopasnost' [To Guarantee the Energy Security] [Electronic ressource]. *Rossija v global'noj politike.* №1. (In Russian) URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6320 (accessed 13.02.2022).

Ergin D. 2011. *Dobycha: Vsemirnaja istorija bor'by za neft', den'gi i vlast'* [The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power]. Moscow: «Al'pina Publ.». 944 p. (In Russian)

Fomin A.M. 2010. *Vojna s prodolzheniem. Velikobritanija i Francija v bor'be za «Osmanskoe nasledstvo». 1918–1923* [War Continues. Great Britain and France Struggling for the "Ottoman Heritage". 1918–1923]. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke. 449 p. (In Russian)

Sobolev E.V. 2007. *Anglo-amerikanskoe sopernichestvo za neft' Arabskih jemiratov Persidskogo zaliva (1923–1938 gg.)* [Anglo-American Struggle for the Oil of Arabian Emirates in the Persian Gulf (1923–1938)]. Ph.D. Dissertation. Ekaterinburg: [s.l.]. 186 p. (In Russian)

Tardieu A. 1943. *Mir* [The World]. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian)

Tilli Ch. 2009. *Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva. 990–1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990]. Moscow: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego». 360 p. (In Russian)

Valiahmetova G.N. 2006. Anglo-francuzskoe sopernichestvo na Blizhnem Vostoke i stroitel'stvo irakskogo nefteprovoda (1928–1934) [Anglo-French Struggle in the Near East and the Construction of the Irak Pipeline (1928–1934)]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta.* Ser. 2. №47. P. 305–321. (In Russian)

Valiahmetova G.N. 2009. Irakskaja neft' v mezhdunarodnoj politike na Blizhnem Vostoke (1928–1941 gody) [Irak Oil in the International Policy in the Near East (1928–1941)]. *Novaja i novejshaja istorija.* №6. P. 32–50. (In Russian)

Valiahmetova G.N. 2010. *Irakskaja neft' v politike velikih derzhav na Blizhnem Vostoke (1932–1941 gg.)* [Irak Oil in the Great Powers' Politics in the Near East (1932–1941)]. Moscow: RAS Institute of the East. 444 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Борисов Ю.В. 1964. *Советско-французские отношения (1924–1945 гг.)* Москва: Международные отношения. 551 с.

Боронов Р. 1977. *Нефть и политика США на Ближнем и Среднем Востоке.* Москва: Наука. 271 с.

Валиахметова Г.Н. 2006. Англо-французское соперничество на Ближнем Востоке и строительство иракского нефтепровода (1928–1934). *Известия Уральского государственного университета.* Сер. 2. №47. С. 305–321.

Валиахметова Г.Н. 2009. Иракская нефть в международной политике на Ближнем Востоке (1928–1941 гг.). *Новая и новейшая история.* №6. С. 32–50.

Валиахметова Г.Н. 2010. *Иракская нефть в политике великих держав на Ближнем Востоке (1932–1941 гг.).* Москва: ИВ РАН. 444 с.

Ергин Д. 2006. Гарантировать энергетическую безопасность [Электронный ресурс] *Россия в глобальной политике.* Январь–февраль. №1. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6320 (дата обращения – 13.02.2022).

Ергин Д. 2011. *Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть*. Москва: «Альпина Паблишер». 944 с.

Соболев Е.В. 2007. *Англо-американское соперничество за нефть Арабских эмиратов Персидского залива (1923–1938 гг.).* Дисс. … канд. ист. наук. Екатеринбург: [б.и.]. 186 с.

Тардье А. 1943. *Мир*. Москва: Госполитиздат.

Тилли Ч. 2009. *Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг.* Москва: Издательский дом «Территория будущего». 360 с.

Фомин А.М. 2010. *Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923.* Москва: Русский фонд содействия образованию и науке. 449 с.